

А. Г. Силаев, Москва

ГЕРАЛЬДИКА И ПРАВОВОЕ ОБЩЕСТВО

Взаимосвязь геральдики и права изредка рассматривалась в специальной литературе еще в те времена, когда сама геральдика считалась вспомогательной исторической дисциплиной, а человек в нашей стране обладал лишь одним правом - быть "винтиком" в коммунистическом механизме построения "светлого будущего". Сегодня приоритет человеческих ценностей, ставший основным тезисом новой Конституции, превращает геральдику в актуальную общественную дисциплину. Подобных исторических условий, способствующих становлению общенациональной по масштабу и национальной по сути геральдики, Россия еще не знала. Несмотря на экономические тяготы, мы вполне можем ожидать от законотворчества кардинальных подвижек в вопросах о правах личности, что неизбежно потребует своего зримого обозначения как на государственном, так и на частном уровне.

Но прежде, чем ставить и решать конкретные задачи, постараемся детально проследить вехи развития геральдики, попутно отмечая зарождение и совершенствование как самих знаковых систем, так и юриспруденции. Целью данной статьи является постановка вынесенного в заголовок вопроса и приглашение к сотрудничеству всех заинтересованных специалистов. Автора также не покидает желание проследить пусть условную, но цельную картину развития геральдики, ибо никакие разрозненные исследования локальных тем не в состоянии сделать этого.

* * *

Еще в эпоху палеолита мышление первобытных охотников и собирателей совершило качественных скачок, позволивший ассоциировать некое сложное понятие с простым и наглядным знаком. Приметные камни, зарубки на деревьях, узелки на ремнях могли составлять первые элементы палеолитической знаковой системы. Эти отметины указывали на места удачной охоты, источники питьевой воды, опасные звериные тропы и другие жизненно важные объекты и явления. Но само обладание развивающимся разумом заставляло людей постоянно стремиться к сознанию своего места в непонятном, изменчивом и жестоком мире. Если подсознательно человек непрерывно фиксирует свое положение в пространстве, для чего ему служат органы чувств и настроенная на земное тяготение вестибулярная система, то сознание стремится сконструировать доступную для понимания модель мироздания и отыскать свое место в этой конструкции. Так возникло мифопоэтическое восприятие мира, когда реальность существовала наравне с выдуманнными первопредками, демонами и божествами, олицетворявшими все сложные и необъяснимые явления природы.

Эпоха неолита ознаменовалась переходом к оседлому земледелию. Стало развиваться скотоводство, были изобретены гончарных круг и ткацкий станок. В недрах мифопоэтического мышления зародилась и окрепла неолитическая религия, представления и культовые действия которой постоянно усложнялись и требовали наглядных обозначений. Люди все чаще стали применять графемы - простейшие графические знаки (круг, зигзаг, ромб, крест и др.), которые при наполнении их сложным религиозным содержанием превращались в символы.

Язык символов, простой и легко воспроизводимый, стал первым всеобщим языком человечества. Символика распространялась повсюду - она не только сопровождала отправление религиозных обрядов, но и широко использовалась в быту. Ведь в представлении древних земледельцев злые силы, способные погубить урожай, скот и самих людей, а также боги-заступники существовали повсюду; они были неотъемлемой и важной частью окружающего мира. Поэтому символы - заклинания (столетия спустя славяне назовут их оберегами) покрывали жилище, одежду и утварь. Символика стала следующим, ключевым этапом в развитии знаковых систем, ибо приучала людское сознание к тому, что чувственно воспринимаемые предметы, действия и явления стали выступать представителями других предметов (персонажей), отношений и свойств.

Неолитическая культура первых земледельцев просуществовала несколько тысячелетий, пока ей на смену не пришел энеолит - эпоха бронзы. В степях Северного Причерноморья и Прикаспия в IV - III тысячелетиях до н.э. созрела качественно иная культура индоевропейской общности, носителями которой были кочевники-скотоводы. Эти племена, объединенные общим языком, на рубеже III и II тысячелетия до н.э. предприняли массивную экспансию в области земледельцев, неся с собой всадничество, бронзовое оружие и рационализм, рассудочность как отличительную черту своей социальной психологии. Вероятно, тогда же начался исход из области т.н. Трипольской археологической культуры предков индоиранцев. Эта область тесного общения различных племен лежала в северо-западной части Причерноморья между нижними течениями Днепра и Дуная и соседствовала с землями предков протославян. Сегодня уже невозможно реконструировать процесс оседания и ассимиляции праиндоевропейцев на всем пространстве от Испании до Индии, однако нам важно помнить о первоначально общем языке предков всех индоевропейцев и их едином мифологическом миропонимании, вошедшем в себя видоизмененную религию ранних земледельцев со всеми относившимися к ней символами.

Еще до наступления эпохи бронзы в недрах раннеземледельческих культур продолжался процесс совершенствования знаковых систем. К знакам-копиям, знакам-признакам и знакам-символам в IV тыс. до н.э. добавилась новая знаковая система - перографическое письмо. Если символ служил выражением сложного религиозного понятия (например, крест в круге означал связь между неолитическими паредрами - Богиней неба и Богом земли), то иероглиф, часто бывший простым знаком-копией, нес в себе значительно меньше информации и озвучивался одним словом или даже слогом. Зато количество иероглифов постоянно росло и намного превысило число символов. Между тем пришедшие из глубин Центральной Азии вслед за праиндоевропейцами предки семитов расселились вдоль восточного побережья Средиземного моря. В их среде на основе древнесемитского письма появилась финикийский алфавит, послуживший основой как арамейской, так и принадлежащей к индоевропейским архаичной древнегреческой письменности. Таким образом, запечатление мысли и передача информации упростились - семейство знаковых систем пополнилось алфавитами, где каждый графический знак обозначал лишь один звук, а из их последовательности складывались слова и фразы.

Но раннеземледельческая эпоха характерна не только переходом к оседлому землепользованию, появлением религии, символика и неографической письменности. Важнейшим явлением в развитии цивилизации стало образование в ту пору государств как организованной и управляемой формы человеческого общества. В процессе образования частной собственности потребовался орган

власти экономически господствующего класса, и этим органом стало государство. Первые раннегосударственные формы обеспечения порядка и спокойствия принадлежали к древневосточному типу. Дальнейшее развитие государственное устройство получило уже в античности, где демос играл уже все более заметную роль, а отношения властей и общества регулировались на основании развивавшейся правовой системы.

Отдельные племена и орды с их патриархальным родоплеменным строем во множестве существовали как во времена древнего Египта, Шумера и Вавилона, так существуют кое-где и по сей день. Для большинства же индоевропейских народов сознание национальных государств было в исторической ретроспективе процессом предопределенным, сроки которого колебались от II тысячелетия до н.э. у хеттов, иранцев-ариев и индоарийцев до 2-й половины I тысячелетия н.э. у славян и германцев. Исключение составляют лишь северофинские и латышские народности, обретшие собственную государственность лишь в XX веке.

Централизованное управление государством, создание иерархической лестницы во главе с верховным правителем (фараоном, царем, тираном) потребовало со временем наглядного обозначения как всей структуры взаимоподчиненности, так и самой верховной власти. Древнейшим образом символической фиксации объединения Верхнего и Нижнего царств под одной короной стал Древний Египет. Божественное происхождение верховной власти также получило свое графическое воплощение в различных ритуальных изображениях, которые мы можем условно назвать эмблемами фараонов. Все божества древнеегипетского пантеона были строго атрибутированы, наделены индивидуальной иконографией. Так на берегах Нила ко II тысячелетию до н.э. возникли архетипические образцы принципиально новой знаковой системы, которой через многие века предстояло вылиться в западноевропейскую геральдику. По сути, уже тогда сложился синтез художественного осмысления однозначно прочитываемых знаков и символов, без чего невозможно существование как классической геральдики, так и ее упрощенного варианта - прикладной эмблематики.

Еще в государствах Древней Греции стала формироваться система однородных правовых норм и процессуальных правил, которая в греческом юридическом языке стала называться "законом" или "законами". К VII веку до н.э. положение закона как позитивного права стало господствующим по сравнению с обычаями, основывавшимися на религии. Хотя в Греции так и не возникла юридическая наука и не произошло строгой фиксации правовых понятий, юристам эллинистической эпохи удалось увеличить и усовершенствовать состав юридических формул. Тем самым были созданы практические методы и правила регулирования правовых отношений. В свою очередь к числу самых выдающихся достижений римлян принадлежит создание и фиксация разветвленной системы правовых норм, которая оказала решающее влияние на юридическую мысль средних веков и нового времени. История римского права начинается с законов 12 таблиц, которые письменно закрепили существовавшие правовые нормы и легли в основу всего дальнейшего развития законодательства.

С образованием демократии в Греции и принятии республиканской конституции в Риме законодательная власть сконцентрировалась в народном собрании. С III века до н.э. силу закона получили и решения плебисцита римских граждан. Во времена Империи место законов постепенно стали занимать решения сената и указы императора. Византийскую юриспруденцию характеризует проведенная по инициативе императора Юстиниана (482-566 гг.) кодификация

действовавшего римского права. Кодекс Юстиниана впоследствии оказал огромное влияние на законодательство Древней Руси - "Русскую правду".

В отличие от Древнего Египта, где сакральный символ играл важную роль в жизни государства, античный мир для символизации своих религиозных представлений воспользовался принципиально другой системой. Олимп населяли жизнерадостные боги, тем не менее унаследовавшие многие черты своих жестоких неолитических предшественников. Античный мир породил не только философию, юриспруденцию, евклидову геометрию и механику, но и реалистическое изобретательное искусство. Именно в атмосфере материалистической философии, развивающихся естественных наук и реалистического искусства символ был отодвинут на периферию изображения, превратившись в часть орнамента. В качестве примера символического орнамента можно назвать меандр (имевший, кстати, аналоги в Трипольской культуре).

На первый план выдвинулись реалистичные скульптурные и графические изображения богов, богинь и героев, персонифицирующих определенные положения мифологии и религии. Помимо устойчивой иконографии, эти персонажи наделялись индивидуальными атрибутами. Так, Афины Палладу нетрудно узнавать по шлему, копью и эгиде с головой Горгоны. Возникло понятие и о материальном знаке общности, являвшемся свидетельством принадлежности к определенной корпорации - эмблеме. Такими знаками могли служить одинаковые у всех корпорантов кольца, медальоны или даже камушки. По сути, символика античности состояла из "портретов" мифологических персонажей, их атрибутов и эмблем. Много позже, в эпоху Возрождения, составление символических композиций с ранее заданным поучительным смыслом из вышеуказанных компонентов получило название эмблематики. Это искусство ставило перед собой совершенно иного рода задачи и пользовалось иными средствами, нежели геральдика, в чем нам предстоит убедиться в дальнейшем. Не только внешние отличия, но и принципиальное расхождение в назначении и статусе эмблем и героев требует четкого их разграничения.

Переход от античности к феодальному укладу сопровождался резким падением уровня экономики и культуры. Раннее средневековье недаром зовется Темными веками: в условиях поголовной неграмотности захлестнувших Европу варваров неокрепшая Церковь пыталась искоренить язычество, богатое традициями и уходящее корнями в индоевропейскую древность; основанные римлянами города разрушались, не строились новые. Но уже Высокое средневековье характеризуется развитием правовых отношений в обществе, начавшем воспринимать в контексте античного наследия и основы римского права. При этом возникла необходимость в визуальном обозначении как территорий, на которых действовала та или иная форма законодательства, так и земельных угодий, принадлежащих конкретному владельцу на основании феодального права. Поскольку принятие законов отдельными землями, входившими первоначально в политическую державу Карла Великого, а затем в состав Священной Римской империи, происходило не одновременно, да и сами эти законы трактовались везде по-своему, разграничение сфер применения различных судебных кодексов было весьма актуальным. Но несовместимость законодательств соседних земель отнюдь не означала неизбежность военных столкновений, она могла лишь стимулировать развитие территориальной символики, несущей четкие разграничительные функции и воплощенной в материальные знаки - например, определенного вида столбы на землях данного права.

Процесс распространения правовых отношений в молодых и неустоявшихся государствах Европы во многом совпал по времени с активными появлением родовых, племенных и дружинных символов, постоянно становившихся отличительными знаками раннефеодальных кланов или сословных групп. Особенности их использования указывают на приобретение ими некоторых геральдических признаков, поэтому мы можем обоснованно считать эти знаки геральдическими. В их основе часто лежало изображение жертвенного животного или птицы, посвященных культуре почитаемого данным кланом божества. Наиболее распространенным в дружинном искусстве Северной и Восточной Европы начиная с X века был образ птицы, принесенной в жертву богу-громовнику Одину, Перкунасу или Перуну.

Родоплеменной символ был призван выполнять двоякую функцию: как знак собственности, он часто принимал форму тавра и в таком виде был распространен на всем пространстве Центральной и Восточной Европы, включая все степное пространство к востоку от Карпат. Будучи отражением почитаемого культа, он приобрел сакральный смысл и служил оберегом от всех бед и напастей. Подобные символы в виде амулетов и украшений на одежде носились не только всеми членами клана, но и обозначали границы распространения имущественных прав и власти родового вождя (князя). Мифологичность мышления людей той далекой эпохи естественно приводила к тому, что обереги и заклинательные знаки в первую очередь украшали одежду и оружие воинов. Использовались они таким образом исключительно для сакральной защиты, а не для узнавания ратников во время боя, что является широко распространенным заблуждением.

Итак, мы видим, что каждый член родового клана обладал неотъемлемым правом на использование родового символа, которому придавалось значение не только имущественное, но и священное. Именно этот обычай впоследствии превратился в первый и самый важный закон геральдики: "Каждый свободный человек и его род имеет право на герб".

Постепенное вытеснение христианством языческой религии имело прежде всего эффект политический и правовой, однако сама психология язычества продолжала оставаться практически неизменной на протяжении всех последующих веков. Так, общая для большинства индоевропейцев троичность верховного божества превратилась в Святую Троицу; крест, тысячелетиями служивший символом бога земли, а в Эпоху бронзы бывший солярным знаком, стал символом Церкви. Русская изба до конца XIX века являлась символической моделью вселенной и украшалась языческой заклинательной символикой. На тему двоеверия написаны десятки научных трудов; ежегодные народные праздники, сотни произведений искусства и тысячи бытовых предметов и построек сохранили для нас уникальность этого явления. Двоеверие, возможно, и явилось той питательной средой, в которой произошло слияние в одну систему языческой символики, декоративной абстракции и установившихся в Христианскую эпоху правовых отношений. Художественное осмысление этого синтеза заложило впоследствии основу образного языка геральдики.

С понятием христианства, родовой знак не потерял своего сакрального значения, зато все активнее стал приобретать юридический смысл. По мере расслоения общества эти знаки получили особенное значение для феодальной верхушки, поскольку передача земельного надела и власти над населявшими его соплеменниками зависела исключительно от права наследования. Принадлежность к феодальному роду, внутри которого существовала освященная обычаям

очередность старшинства, стала требовать своего наглядного воплощения. Нужда в стабильной системе личных и родовых знаков, наполнении их правовой значимостью, создала серьезные предпосылки для возникновения геральдики. В недрах общесторических хроник зародилась особая наука - генеалогия, четко фиксирующая рождения, браки, смерти и родственные отношения внутри феодальных кланов. Этим безусловно подтверждались права на наследование согласно существовавшему тогда юридическому обычаю.

Эпоха крестовых походов не только обогатила европейцев знаниями о древних традициях Ближнего Востока, но и стимулировала прогресс различительных свойств символики. Прежде всего, войско Христиан сражалось на неприятельской территории, а каждый воин носил крест на плаще или налатной рубашке не только как знак различия, но и как священный оберег. Во-вторых, зародившиеся в Палестине духовно-рыцарские ордена нуждались в собственных знаках различия, каковыми стали цвет и форма крестов. Наконец, личные отношения предводителей разноплеменного воинства не отличались дружелюбием, и соперничество заставляло подчеркивать неповторимость символов национальных династий, а вместе с ними символику всего национального воинского контингента. Еще одной немаловажной побудительной причиной усиления отличительных черт рыцарских знаков стало честолюбие, желание прославить собственные подвиги и прежде всего - само участие в Крестовых походах.

Где же помимо обнаруженных археологами поясных наборов и ножен мечей мог расположиться родовой символ-оберег, значимость которого постоянно возрастала? Разумеется, на щите, который еще со времен индоевропейской архаики совмещал две защитные функции: физическую и сакральную. Иначе не понять того, почему в глубокой древности форма щита, в ущерб его боевым качествам, повторяла абрис культового символа, а рыцари Средневековья не жалели редких и дорогих в ту пору красок для воспроизведения собственного родового знака на лицевой, подставляемой под удары, стороне щита. Но эта поверхность тем не менее грунтовалась и покрывалась символической росписью, о чем свидетельствуют сохранившиеся в музеях норманнские щиты XII-XIII веков.

Итак, все вышеназванные причины: принадлежность к феодальному роду или клану, определяемые юридическим обычаем права наследования, личные честолюбивые притязания создали почву для возникновения геральдики как социального явления. Сходные политические, экономические и религиозные условия жизни правящего класса, единые мифологические представления германцев (т.е. франков, англо-саксов, тюрингов, тевтонов и др.) породили этот историко-культурный феномен на всем пространстве Западной Европы. Однако приоритет в этой области, как принято считать, принадлежит Германии. Именно там возобновились проводившиеся еще крестоносцами в Палестине рыцарские турниры. Съезжавшиеся на них участники, как свидетельство родовитости и подвигов на поле брани, демонстрировали свои украшенные символами щиты, причем у многих появилось искушение воспользоваться чужой символикой. Поэтому возникла потребность в учреждении своеобразного института знаков генеалогии и тесно связанных с нею феодальных прав. Эти заботы были возложены на людей известных, прославившихся своей честностью, беспристрастностью и воинской доблестью. Им было поручено установить строгие правила незаконного отличительными знаками рыцарства и предотвращать их незаконное присвоение. На старонемецком этих экспертов называли Heer-alt - "старый господин"¹, что соответствует английскому earl old - "старый эрл"². Отсюда произошли слова Herold (нем.) и herald (англ.) -

“глашатай” (распоряжающийся турниром знаток рыцарских правил, в том числе и относящихся к генеалогии и родовым символам) и Heraldik - “геральдика” - свод правил, выработанный герольдами, а в дальнейшем - наука о гербах.

Смысл, вкладываемый в понятие “герб”, как и происхождение самого термина, по сей день вызывает множество разночтений и дискуссий. Однако со всей определенностью мы можем утверждать, что герб - это строго определенное сочетание особых фигур, символических изображений и их цветов (тинктур), которое служит постоянным признаком конкретного лица, рода, корпорации или целого государства³. Рамки данной статьи не позволяют исследовать все этапы превращения символа в герб феодального рода или владения, всю динамику становления законов геральдики. Здесь важно лишь отметить, что побудительной причиной возникновения данной дисциплины явился завершившийся процесс выделения и обособления целого общественного слоя - класса воинствующих землевладельцев, чьи права на собственность и ее наследование получили соответствующее юридическое оформление. Таким образом вырисовывается причинная связь между зарождением геральдики и очередным этапом совершенствования правовой системы. Родовой патриархальный обычай передачи земли и власти по старшинству не только принял форму юридического правила, а впоследствии и закона, но призвал к жизни свой изобразительный эквивалент в виде подчеркнуто наглядной знаковой системы. Именно наглядность, стремление к неповторимости знака различия всех членов рыцарского рода (а вместе с ним и земель, на которые распространялось феодальное право этого рода) определили предельную простоту образчиков ранней геральдики. Сразу став явлением общественным, геральдика и была рассчитана на отождествление знака и силы закона всеми людьми без исключения, причем подавляющее их большинство в ту пору было абсолютно неграмотным.

Не только изображение символа на щите становилось признаком определенного рода или клана, но и сами щиты определенных цветов превращались в родовой символ. Отсюда впоследствии произошли неисчислимые комбинации разноокрашенных геометрических фигур в щитах, сведенные геральдикой в строгую систему. Сам родовой символ - будь это жертвенная птица, зверь, оружие или графема, во избежание повторов и путаницы приобрели в каждом конкретном случае постоянную окраску. Так появились разноцветные орлы, львы, вепри и кони в гербах различных родов, владевших своими феодами во всех уголках Западной Европы.

Но появление такого множества родовых рыцарских знаков потребовало их строгого учета. Собираением существующих и созданием новых родовых геральдических знаков, благодаря своей неизменности при переходе от поколения к поколению приобретавших качество гербов, занимались образованнейшие люди своего времени. Каждый из них после многолетнего обучения правилам геральдики, а также генеалогии и юриспруденции, получал почетное звание Heroldmeister. Со временем одиночные герольдмейстеры при дворе могущественных феодалов были объединены в Герольдмейстерские палаты или герольдии под патронажем главы государства. Своды гербов - гербовники - становились документами, подлежащими юрисдикции монарха. Геральдика из правил турнирного этикета превращалась в часть государственной правовой системы, и любые изменения последней напрямую отражались на ней.

Конец Средневековья и эпоха Возрождения произвели кардинальные перемены в военном деле. Индивидуальное мастерство всадников и достижения оружейников вели к постоянному совершенствованию турнирных правил. Очень скоро щит

перестал играть сколь-нибудь заметную роль: сначала он превратился в небольшой нагрудный тарч, а затем и вовсе был вытеснен усиленным доспехом. Уже не боевой, а сугубо декоративный шит с изображенным на нем гербом символизировал на турнире своего владельца. Так произошло отделение родового геральдического знака от подарившего ему свою форму оборонительного оружия. В дальнейшем рыцарский герб в европейской традиции представлял собой изображение увенчанного шлемом геральдического щита с древней или пожалованной символикой.

Но не только рыцарство нуждалось в геральдике. Еще Оттон I Великий (912 - 973), основатель Священной Римской империи, во время своих походов в Италию познакомился с римскими городами. Эти города унаследовали многие античные традиции, в том числе и юриспруденцию. Оттон повелел все вновь возводимые города саксонские ставить по образу и обычаю городов римских. Выбранное на пересечении торговых путей место обозначалось особым знаком - Weichbild, имевшим вид креста с прикрепленными к нему мечом, шляпой или щитом. Знак этот означал непосредственно распространяющуюся, на зарождающийся город, королевскую власть.

В дальнейшем, когда города (особенно в северной Германии) освободились от королевской власти, на их площадях стали устанавливать Rolandsäule - каменные или деревянные скульптуры Роланда, символизирующие неподвластность города феодалу. С тех пор слово Weichbild стало у саксонцев означать городское право и вместе с древним Магдебургским правом шёффенов², "Саксонским зеркалом" и другими подобными сборниками послужило основой гражданского законодательства, судопроизводства и судопроизводства средневековой Германии. В прусских владениях тевтонского ордена Магдебургское право шёффенов под именем Кульмского городского права служило общим законом страны и сохранило это значение вплоть до XVII века, несмотря на падение самой орденовой организации.

Освобождение городов от сковывавшей их развитие феодальной зависимости способствовало не только экономическому процветанию горожан и страны в целом, но и воспитывало в поколениях правовые традиции. Тот же Тевтонский орден в Кульмской грамоте декларировал постоянное содержание серебра и золота в своих монетах, практическое отсутствие налогов и воинской повинности и невмешательство в городское самоуправление. Эти обязательства строго выполнялись на протяжении двух веков - с 30-х годов XIII в. до 1410 года, когда в результате поражения в Грюнвальдской битве мощь тевтонцев была сломлена. Города тем временем могли уже выступать субъектами не только местного, но и международного права. Многие из них образовали Ганзейский союз, представительства которого распространялись от Лондона до Великого Новгорода. Выразителем городской самостоятельности стал городской герб, часто даруемый общине сувереном вместе с юридическим документом - городскими привилегиями (Handfeste). Герб этот составлялся по тем же правилам, что и рыцарские родовые гербы, однако вместо шлема часто увенчивался городской короной, имевшей вид крепостной стены с башнями. Войны и пожары уничтожили большинство первоначальных городских грамот, но тем не менее мы можем считать городскую геральдику ненамного моложе геральдики рыцарской.

Процесс образования в городах цехов - профессиональных объединений купцов и ремесленников - был неразрывно связан с развитием и совершенствованием городского права. Цеховой герб отражал прежде всего не отличительные черты средневековых ремесел (ведь каждый мог отличить булочников от оружейников

и без соответствующей эмблематики), а наглядно закреплял и пропагандировал юридическую основу организации - дисциплинарную и имущественную структуру, многолетний профессиональный отбор мастеров и их ответственность перед покупателем. Теснейшую связь юриспруденции и геральдики подчеркивает еще и то, что цеховые гербы (как, впрочем, и многие другие) образовались на основе собственных печатей должностных лиц, которыми те скрепляли документы корпорации.

Цеховая этика находилась в прямой взаимосвязи с торговыми и городскими сводами законов. Ремесленник, выставивший на продажу товар без цеховой или личной марки (клейма), мог подвергнуться суровому наказанию, вплоть до отсечения руки или даже головы. Столь бескомпромиссная форма защиты престижа корпорации, основанная на честном отношении к потребителю, на протяжении столетий формировала в широких слоях населения глубокое уважение к цеховым гербам.

Яркая эпоха Возрождения, ознаменовавшая вступление на европейскую арену финансовой и торгово-промышленной буржуазии, утвердила в общественном сознании Красоту Человека и приоритет человеческих ценностей. Формированию этих представлений способствовали не только творения великих мастеров - Данте, Петрарки, Леонардо да Винчи, Дюрера - но и широкое распространение по городам и странам бюргерских, то есть недворянских гербов. Наследственный бюргерский герб (от нем. Bürger - "горожанин") стал отражением изменившихся экономических и социальных отношений в обществе, где обладание собственностью, и подчас значительной, перестало быть прерогативой феодальной знати. Герб стал полноправной принадлежностью любого свободного человека, своим трудом, предприимчивостью и добросовестностью приобретшего независимое производственное и личное имущество, а также достойное положение в обществе. Именно общественная польза, вклад в производство и торговлю выдвинули бюргеров в качестве полноправных гербовладельцев, ибо, как мы уже знаем, изменения в правовой системе вызывают и соответствующую корректировку геральдики. Бюргерский герб возник и развивался в строгом соответствии с классическими геральдическими правилами, и его принципиальное отличие от герба дворянского достоинства - корон и мантий, а в ряде стран - и рыцарских шлемов.

Уже через несколько столетий после своего возникновения Церковь превратилась в один из важнейших субъектов средневекового права. Гербы папского престола, князей и владений Церкви, прелатов и священников заняли свое место в анналах западноевропейской геральдики. Их безошибочно можно узнать по венчающему щит головному убору - тиаре, митре или кардинальской шляпе, по количеству узлов и кистей на шнурах которой четко прочитывался ранг гербовладельца. Будучи теснейшим образом связанной с феодальной верхушкой, Церковь пополняла ряды своих иерархов отпрысками знатных фамилий, поэтому нередко щит с родовым дворянским гербом перемещался из-под рыцарского шлема под кардинальскую шляпу. В то же время аристократия сопротивлялась появлению потомственных гербов у буржуазии, не забывая при этом о своей выгоде. Так, нуждавшийся в пополнении казны Людовик XIV увеличивал налоги тем, кто еще не владел гербом. Доход от разработки и регистрации герба шел королю, и в результате донаполеоновский французский гербовник стал насчитывать свыше ста тысяч гербов, лишь десятая часть которых принадлежала дворянским родам.

Лучшему пониманию читателем причин, по которому церковная геральдика запада стала столь же распространенным явлением, как и гербы аристократии,

послужит напоминание об обстоятельствах схизмы (разделения) Восточной и Западной церквей. Будучи первоначально единой, христианская церковь позволяла каждому епископу самостоятельно управлять делами своей епархии. При этом владыка духовный обязан был неукоснительно соблюдать преемственность догматов Церкви Апостольской, т.е. изначальной. Все епископы были равны между собой, и только обряд величания чести ставил епископа древнего Рима на первое место в ряду величаемых, а константинопольского - на второе, поскольку Константинов град был вторым, новым Римом. К IX веку четко обозначились претензии римских епископов как на главенство во всем христианском мире, так и на светские монархические права. К тому же папы настаивали на изменении самого Символа Веры, бережно сохраняемого на протяжении веков Вселенскими соборами. В результате взаимной анафемы христианская Церковь в 1054 г. разделилась на Восточную православную во главе с константинопольским патриархом и Западную католическую. Западноевропейские епископы вслед за папами добивались феодальных прав над обширными территориями, что привело к возникновению десятков небольших самостоятельных государств. Об их живучести свидетельствует тот факт, что владения князей церкви в Германии просуществовали вплоть до конца XIX в. и были упразднены в ходе государственных реформ Бисмарком.

Лежащему в русле истории юриспруденции и национальной психологии анализу причин, не позволившим своевременно развиваться русской геральдике, следует посвятить отдельные исследования. Здесь остается лишь констатировать факт, что страна, вплоть до наших дней сохранившая традиции символики языческой и некогда всей народной толщью усвоившая сложную символику христианскую, осталась и продолжает оставаться невосприимчивой к геральдике. Домонгольские Рюрикoviчи имели систему личных геральдических знаков, но ее применение ограничилось монетами и печатями (равно как и "знамениями"), что не вышло за рамки обычного государственного монетаризма и делопроизводства. В позднем средневековье единовластие Великого князя московского, борвшегося с раздробленностью Руси и боярским своеволием, было необходимым условием выживания нации, каждый день на протяжении столетий воевавшей на своих восточных и южных рубежах и два дня из трех - на западных. Поэтому кроме символов самодержавия и христианской соборности иных государственных и общественных геральдических знаков практически не требовалось.

Петр Великий учредил Герольдию прежде всего для учета служивого дворянского сословия и разработки символики государственной (в том числе земельной) и военной. Дворянские гербы составляли весомую долю всего герботворчества и продолжали создаваться вплоть до зимы 1917 / 18 гг., однако геральдика оставалась чуждой большинству населения сословной привилегией. Абсолютистский запрет на недворянские гербы, пресечение всех попыток ввести городское самоуправление по подобию Магдебургского права охлаждали интерес русских людей к геральдике как традиционной выразительнице прогрессивных правовых отношений. О периоде 1917 - 1991 гг. вообще говорить не приходится.

В то же время в странах с высокой общественной значимостью среднего класса бюргерская и корпоративная геральдика не переставали развиваться. Чрезвычайно показательна в распространении гербовладения Швейцария (в чем ей мало уступают Нидерланды и северная часть Германии). В этом альпийском государстве, еще в позднем средневековье приобретшем республиканские черты правления, дворянство никогда не представляло собой влиятельной силы. Очевидно, что благоприятные обстоятельства - отсутствие монархических догматов,

стабильный общественный строй и экономическое процветание - послужили причиной того, что в Швейцарии гербы имеют не только все кантоны, города, церковные приходы, но и практически каждая семья.

Итак, мы видим, что на всем пространстве Западной Европы родовой, клановый или правовой знак, принимая со временем форму и статус герба, мог принадлежать КАЖДОМУ свободному человеку вне зависимости от привилегированности его происхождения. Это естественное правило ранней геральдики искажалось в позднем средневековье и в эпоху абсолютизма, но уже давно восстановлено в геральдической науке и практике и продолжает успешно действовать. Основой такой всеобъемлющей геральдики послужило постоянное совершенствование правовых отношений, затрагивающих различные слои общества - не только светских и церковных монархов и рыцарство, но и горожан - ремесленников, купцов, среднюю и крупную буржуазию. На Руси же подобных предпосылок не возникло. Русская историческая реальность сформировала общество, в котором пока очень трудно укорениться питающим геральдику традициям. Это прежде всего относится к правовой системе в целом, а точнее - к привычному ее отсутствию.

Но если совершенствование правовых отношений повсюду принимает ту или иную форму современной юриспруденции, то процесс становления и легитимизации определенных знаковых систем приводит к формированию земельной, корпоративной (цеховой и ведомственной) и родовой геральдики. Следовательно, обеспеченность постоянно действующим юридическим статусом каждого слоя общества и геральдика являются аверсом и реверсом одной и той же медали - правовой системы. Геральдика в зримых формах обозначает благоустроенность общества, в котором уважаются и сохраняются права каждого его достойного члена. В условиях построения государственных основ новой России это превращает геральдику из салонной забавы аристократии в актуальную общественную дисциплину, отображающую качественные изменения в политико-экономическом устройстве государства и в общественном сознании. Обоснованность и целесообразность развития отечественной геральдики вытекает из очевидного смысла происходящего - возрождения имущественных и демократических прав граждан. Не исключено, что именно сейчас при разумном подходе к законотворчеству в России наконец появятся условия для возникновения собственной самобытной национальной геральдики.

Выработанные веками на Руси традиции многопланового и многоуровневого осмысления выражаемого символами бытия не могут быть отторгнутыми от герботворчества в угоду европейскому стандарту. Ведь предназначение герба при наличии в нем отточенного глубинного смысла представляется скорее сакральным, нежели опознавательным-отличительным. Герб - святыня для владеющего им, а не светофор на перекрестке. Если ряд наших коллег борется за чистоту бездуховного геральдического штампа, видя в этом единственно возможный путь развития отечественной геральдики, то кто-то должен вникнуть в проблему глубже и рассмотреть ее под иными углами зрения.

Существующая сегодня раздробленность немногочисленных геральдистов, на наш взгляд, объясняется не только различной их подготовленностью, но и отсутствием единой платформы, законодательной прежде всего. Необходимо строгое юридическая ориентированность герботворчества, приведение вышеупомянутых аверса и реверса в стройную систему.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Heer-alt - старонем., где Heer созвучно тождественным по смыслу современным словам Heer - "господин" и Heer - "армия, сухопутные войска".

Эрлы - родовая знать в средневековой Англии. С XI века титул "эрл" соответствует титулу "граф".

²Раннегеральдические формы теснейшим образом связаны со сфрагистикой - наукой о печатях, поэтому целый ряд ученых избегает включения тинктур в понятие "герб".

³Геральдический щит - основная часть европейского герба эпохи Средневековья, Возрождения, абсолютизма и нового времени; имеет характерную для каждой страны форму: треугольную, миндалевидную, овальную, круглую, вырезную и др.

⁵Шёффены (нем. Schöffen) - лица из свободного сословия, избранные на судебную должность. Происхождение Коллегии шёффенов относится к VIII в. и связано с реформам Карла Великого, признавшего несоответствие римского преторского суда древнему германскому праву.